

большевистская партия не забыли того Плеханова, который был первым учителем рабочих России. Теоретические, философские труды Плеханова, написанные в самые плодотворные годы его деятельности (1883—1903), навсегда останутся ценным приобретением марксистской теоретической мысли.

Оценивая философское наследие Плеханова, В. И. Ленин в 1921 году писал: «...в скобках уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма.

Кстати, нельзя не пожелать, во-1-х, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч... Во-2-х, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это значение»¹.

Советский народ — законный наследник передовой культуры прошлого — чтит память выдающегося сына русской нации, блестящего пропагандиста марксизма Г. В. Плеханова, написавшего большое количество замечательных по глубине мысли и блестящих по форме изложения философских сочинений. Критически воспринимая теоретические и тактические ошибки Плеханова-меньшевика, наша партия высоко ценит лучшие философские произведения Плеханова-марксиста, включает их в учебные программы по теории и истории марксизма.

2. ЛЕНИНСКАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА КАК ИСТОРИКА РУССКОЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

По истории русской философии в досоветское время написано довольно много книг. В 1840 году архимандрит Гавриил опубликовал «Историю русской философии», позже появились книги Шпета, Иванова-Разумника, Радлова (книга Радлова вторым изданием вышла в 1920 году) и ряд других работ.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 73.

Но все эти книги написаны идеалистами — далекими от науки. Авторы их видели задачу философии в том, чтобы обосновать христианскую концепцию сотворения мира богом. Все, что выходило за рамки такого толкования философии, либо совсем опускалось как нефилософское, либо извращалось до неузнаваемости. И вполне понятно, что в таких работах нельзя найти надлежащего освещения истории материалистической философии в России.

Официальные дворянско-буржуазные ученые сознательно фальсифицировали историю русской революционно-демократической мысли, всячески игнорировали роль русского народа в создании своей национальной культуры, в развитии мировой цивилизации. Они из кожи лезли вон, чтобы изобразить крупнейших представителей передовой общественной мысли России — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и других идеалистами, эпигонами, робкими учениками западноевропейских мыслителей.

Так, воинствующий реакционер А. Л. Волынский, характеризуя деятельность Белинского, с откровенным цинизмом писал: «По существу своей натуры, по природному таланту Белинский не был мыслителем, философом, призванным вырабатывать какие-нибудь новые идеи, раскрывать новые духовные горизонты... Он не оставил в наследство последующим поколениям никакого определенного метода... никаких положений для исторического... объяснения фактов...»¹. При этом он добавлял: «Выход Белинского на критическую арену не был ознаменован никакими блестящими идеями, добытыми собственным, оригинальным умом»².

В этом же дворянско-буржуазном космополитическом духе фальсифицировали историю революционно-демократической мысли Соловьев, Гершензон, Радлов, Шпет, Иванов-Разумник и другие официальные историки царского самодержавия. Но особенно яростно выступили против философии марксизма и против революционного демократизма веховцы — идеологи контрреволюционного либерализма (Гершензон, Бердяев, Булгаков, Струве и К⁰), издавшие в 1909 году ренегатский сборник «Вехи».

¹ А. Л. Волынский. Русские критики. СПб, 1896, стр. 6, 7.

² Там же, стр. 79.

Авторы этого сборника пытались доказать, будто история русской философии, представленная Белинским, Герценом, Чернышевским и другими, явилась простым повторением идей западноевропейских мыслителей, что она была порождена не ходом революционно-освободительной борьбы русского народа против царского самодержавия, а механически заимствована извне.

Всячески игнорируя материалистическую традицию в истории русской общественной мысли, идеологи контрреволюционного либерализма объявили, что история философской мысли в нашей стране, начиная с Белинского, — сплошной кошмар.

Так, один из главарей контрреволюционного либерализма — М. Гершензон цинично и откровенно заявлял: «Не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегельянство, позитивизм, — что ни этап, то иностранное имя. Наше сознание в массе не выработывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе; поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли; мы просто хватали то, что каждый раз для себя создавала западная мысль, и носились с этим даром до нового, лучшего подарка... История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума — сплошной кошмар».

Веховцы пытались изобразить Белинского, Герцена, Чернышевского и других русских революционных мыслителей-материалистов типичными идеалистами-гегельянами, религиозно-мистическими философами.

Несостоятельность и реакционность подобных попыток совершенно очевидна. Дворянско-буржуазные писатели относились к Белинскому, Чернышевскому и Добролюбову как к представителям враждебного лагеря и оценивали их философские взгляды со своих классовых позиций. Апология самодержавного строя и мистико-религиозной идеологии господствующих классов царской России, ожесточенная борьба с революционно-демократическими, материалистическими идеями в стране — вот истинная подоплека всех их историко-философских измышлений. Эти писатели находились под влиянием гнилых теорий, завезенных в Россию еще в XVIII веке

иноземными проходимцами типа Шумахера, которые, пользуясь покровительством реакционных правящих кругов крепостнической России, насаждали враждебные русскому народу идеи о незначительной роли русских ученых в развитии научной мысли, клеветнически утверждали, что русский народ не был способен самостоятельно создать свою государственность и культуру, науку и философию, что всем этим он будто бы обязан западным элементам.

Идеологи господствующих классов царской России, зараженные духом низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной, на протяжении многих десятилетий усиленно поддерживали и распространяли в стране подобного рода лживые «теории». Будучи яростными противниками прогрессивных, революционно-демократических устремлений русского народа, они не верили и не хотели верить в его способность к самостоятельному творчеству.

И вполне понятно все прогрессивное значение выступлений Г. В. Плеханова с марксистских в основе своей позиций в защиту материалистического и революционно-демократического наследия великих русских мыслителей XIX века. Работы Плеханова по истории русской общественной мысли XIX века следует считать первой попыткой создать научную историю русской общественной мысли. Уже в самых ранних трудах Плеханова-марксиста уделяется значительное место самым выдающимся представителям русской общественной мысли XIX века — Чернышевскому, Белинскому, Герцену, которых он считал своими любимыми писателями и первыми учителями. Труды Г. В. Плеханова конца XIX и начала XX века с несомненностью свидетельствуют о том, что он имеет серьезные заслуги в освещении истории русской материалистической философии XIX века, в разоблачении реакционных взглядов дворянско-буржуазных ученых.

Впервые в русской истории в анализе русской общественной мысли Г. В. Плеханов применил принципы исторического материализма. В предисловии к «Истории русской общественной мысли» он заявил, что в исследовании, посвященном истории русской общественной мысли, он исходит из того основного положения исторического материализма, что бытие определяет сознание. «Поэтому, я прежде всего обратился к обзору объективных условий

места и времени, определявших собою ход развития русской общественной жизни». Поясняя далее, что следует понимать под объективными условиями места и времени, Плеханов справедливо выдвигает на первый план развитие классов, составляющих данное общество и их взаимные отношения. «Стало быть, ходом развития и взаимными отношениями классов, составлявших русское общество, и должно быть объяснено неоспоримое *относительное* своеобразие русского исторического процесса»¹.

Плеханов говорит и о роли географического фактора в развитии общества. Однако, по его мнению, географический фактор оказывает воздействие на общество не непосредственно, а опосредствованно, через производительные силы. «Я держусь того убеждения, — пишет он, — что географическая обстановка влияет на характер данного народа лишь через посредство общественных отношений, принимающих тот или другой вид, в зависимости от того, замедляет или ускоряет она рост производительных сил, находящихся в распоряжении данного народа»².

В способе производства материальных благ Плеханов видит основу общественно-исторического прогресса. Экономический фактор он считает определяющим по отношению ко всем другим факторам.

Исходя из этих коренных положений исторического материализма, Плеханов рассматривает деятельность Белинского, Чернышевского, их соратников и последователей как идеологов самого передового для того времени русского общественного слоя — разночинцев.

В деятельности Белинского — Чернышевского Плеханов видел выражение протеста передовых сил русского общества против гнета царизма и крепостничества, против того общественно-политического строя, который тормозил развитие общественных отношений в стране и «загораживал русской народной массе дорогу к знанию»³.

Как исторический материалист, Плеханов законно считал, что развитие общественной мысли, развитие идеологии есть необходимый, закономерный процесс, обуславливаемый в конечном счете экономическим развитием общества.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XX, стр. 3, 13.

² Там же, стр. 3.

³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXI. Госиздат, 1925, стр. 138.

Вместе с тем Плеханов полностью учитывает известное марксистское положение об относительной самостоятельности развития идеологии; он со всей тщательностью прослеживает историческое и логическое развитие революционных и материалистических идей. При этом Плеханов не замыкается в национальные рамки, а анализирует философские и общественно-политические взгляды русских мыслителей в связи с развитием всей мировой философской и общественно-политической мысли, старается выяснить то особенное, что внесли в развитие философской мысли русские мыслители.

Философские, социологические и эстетические взгляды русских мыслителей Плеханов рассматривает в связи со взглядами их предшественников и современников — западноевропейских мыслителей: французских материалистов XVIII века, социалистов-утопистов, Гегеля и Фейербаха. Особенно внимательно в работах Плеханова исследовано отношение взглядов русских революционных мыслителей к марксизму. Именно правильное решение этого вопроса отметил Ленин как большую заслугу Плеханова.

В этой связи нельзя не указать на весьма важную сторону методологии Г. В. Плеханова в его исследованиях по истории русской общественной мысли XIX века, а именно — его постоянное подчеркивание взаимосвязи настоящего с предшествующим, его акцент на преемственность, вклад в науку каждого мыслителя сравнительно с тем, что дали его предшественники, чем данный мыслитель обогатил науку сравнительно со своими предшественниками, в каком направлении пошел он вперед сравнительно с другими мыслителями, своими современниками.

Вопрос о преемственности в развитии философской мысли занимает важнейшее место в методологии Плеханова. Во всех работах по истории философии Плеханов постоянно и настойчиво проводит тот взгляд, что мировоззрение каждой эпохи непременно связано по своей форме с мировоззрением предыдущей эпохи, даже тогда, когда оно противоречит ему. «Исторический материализм, — говорил Плеханов, — подметил эту генетическую связь и увидел в ней *объяснение* умственного развития человечества. Данное учение возникает как дальнейшее

развитие или как отрицание другого, более раннего учения»¹.

Этот марксистский методологический принцип Плеханов проводит во всех своих работах, в том числе и в работах, посвященных истории русской общественной мысли.

Так, например, в книге о Чернышевском имеется специальный раздел, озаглавленный: «Белинский, Чернышевский и Писарев»². В этом разделе Плеханов проводит тот взгляд, что Чернышевский является мыслителем, продолжающим и завершающим теоретическое наследие Белинского. «Автор «Очерков Гоголевского периода русской литературы», — пишет Плеханов, — имел полное право считать себя продолжателем дела Белинского»³.

Подробно рассмотрев обогащение Чернышевским наследия своих предшественников, Плеханов показывает, как Чернышевский подходил к правильному материалистическому решению вопросов эстетики, как он развивал зародыш диалектики.

Далее нельзя не заметить, что Плеханов не ограничивался выяснением преемственности только в истории русской, немецкой или французской философии, он стремился указать самые различные источники, на какие опирался, какие использовал тот или иной мыслитель и как он обогащал их, в каком направлении развивал. Так, например, анализируя исторические взгляды Чернышевского, Плеханов сравнивает его труды с трудами французских историков времен Реставрации, материалистические идеи с идеями Белинского, Фейербаха, диалектику Чернышевского с диалектикой Гегеля, его мировоззрение в целом с марксизмом. В приложении этого метода к конкретному анализу русских мыслителей Плеханов допускал ошибки, однако из этого никак не следует, что сам этот метод ошибочен; напротив того, в основе своей этот метод верен.

С самого раннего периода своей деятельности писателя-марксиста Плеханов обращается к наследию русских революционеров-демократов. В работах 1883 года⁴

¹ См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник I, стр. 190.

² См. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 326—363.

³ Там же, стр. 329.

⁴ «Афанасий Прокофьевич Шапов», «Социализм и политическая борьба».

он отстаивает, охраняет великое наследие Чернышевского и Герцена от народнической фальсификации. В 1890—1892 годах Плеханов опубликовал в сборнике «Социал-Демократ» четыре статьи о Чернышевском, изданные позднее на немецком языке отдельной книжкой в издательстве Дитца. Эти статьи высоко оценил Ленин, указавший, что в них Плеханов вполне научно выяснил отношение Чернышевского к марксизму. Позднее Плеханов неоднократно обращался к наследию Чернышевского, которому посвящает статьи, рассматривающие все стороны мировоззрения. Несколько общих статей о Чернышевском Плеханов опубликовал в связи с юбилейными датами великого русского социалиста домарксистского периода¹.

В 90-х годах Плеханов выступил с тремя статьями о В. Г. Белинском, в которых проанализировал философские и литературные взгляды гениального мыслителя. Несколько статей он посвятил изложению взглядов А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова.

В 1909 году Плеханов принял предложение издательства «Мир» написать «Историю русской общественной мысли».

В июле 1912 года издательство получило от Плеханова «Введение», в июне 1914 года был опубликован первый том, в последующие годы вышли еще два тома, последние главы третьего тома изданы посмертно. Плеханову не удалось закончить начатой работы. Третий том завершается рассмотрением мировоззрения Радищева, в следующих трех томах предполагалось изложить общественные движения и развитие общественной мысли в XIX веке и в самом начале XX века, включая революцию 1905 года.

Хотя работа Плеханова осталась незаконченной, главные этапы развития общественной мысли в России все же нашли оценку в целом ряде его работ, посвященных декабристам, Чаадаеву, революционным демократам, народолюбцам, первым шагам рабочего движения в России, революции 1905 года. Так что в этих работах, занимающих в общей сложности около семи томов, содержится

¹ См. статьи Плеханова о Чернышевском: «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» в сборнике «За 20 лет»; «Н. Г. Чернышевский» (к двадцатилетию со дня кончины); «Еще о Чернышевском»; «Чернышевский в Сибири».

изложение взглядов Плеханова на историю общественной мысли и на общественные движения в России с самого зарождения русской литературы, с самого основания русского государства и вплоть до 1917 года.

В работах Плеханова впервые собран и систематизирован богатый материал по истории русской общественной мысли и научно объяснен целый ряд литературных произведений. Несомненной заслугой Плеханова следует считать то, что он первый сделал попытку с марксистских позиций показать роль Белинского и Чернышевского в развитии русской материалистической философии.

В теоретическом наследии русских революционеров-демократов больше всего Плеханова занимают общественно-политические, социологические, философские и литературные взгляды.

В основных трудах, посвященных анализу теоретической деятельности Белинского, Герцена и Чернышевского, Плеханов проводит тот взгляд, что все эти выдающиеся русские революционные мыслители относились к существовавшему тогда старому общественному и государственному строю резко отрицательно, все они, по справедливому заключению Плеханова, ненавидели крепостное право, считали его великим злом и делали все зависящее от них для того, чтобы устранить крепостничество и его опору — царское самодержавие.

Однако Плеханов считал, что все они различно решают вопрос о путях преобразования России. В то время как Белинский считал, что Россия совершит прогресс, став на путь буржуазного развития, Герцен видел основание прогресса России в развитии общины. Самым радикальным мыслителем был, по мнению Плеханова, Н. Г. Чернышевский, которого он называл революционером по принципу. В самом конце 50-х и в начале 60-х годов Чернышевский, по заключению Плеханова, ожидал народного восстания. В этом с ним был солидарен Добролюбов.

Рассматривая так называемый «Собственный план Чернышевского», Плеханов показывает, как последний пытался подготовить революционных деятелей из учащихся и из разночинной интеллигенции.

Исторические взгляды русских революционеров-демократов Плеханов рассматривает в сопоставлении со взглядами французских историков времен Реставрации

(Гизо, Минье, Тьерри). При этом он устанавливает, что русские мыслители во многом уступали французским историкам. Французские историки смотрели на борьбу классов, на значение политики в этой борьбе и на зависимость государственной власти от господствующих классов так же, как на эти вопросы смотрели Маркс и Энгельс. Русские же революционеры-демократы, поскольку они в философии были последователями антропологического материализма Фейербаха, у которого исторические взгляды разработаны как раз слабее всего, оставались в основном идеалистами.

Философские взгляды Белинского, Герцена и Чернышевского Плеханов оценивает различно. Белинский, по его мнению, прошел школу Шеллинга, Фихте, Гегеля и к концу жизни перешел на позиции Фейербаха. Самой сильной стороной философии Белинского Плеханов считал диалектику. Белинского как диалектика Плеханов ставил выше всех, в том числе и Чернышевского. Белинский глубже всех других русских мыслителей понял философию Гегеля, его идею развития через борьбу противоположностей, противоречий, заключенных в самом предмете, явлении.

В философии Герцена Плеханов выше всего ставит его взгляды на закономерности развития природы, его философию природы. В разработке философских проблем естествознания Герцен в «Письмах об изучении природы», по определению Плеханова, стоит на уровне Ф. Энгельса. Однако Герцен как в «Письмах», так и в других работах, говорит Плеханов, остается в основном на позициях гегелевского идеализма. Известно, что Плеханов решительно возражал против мнения Пыпина, будто в «Письмах об изучении природы» «задачи философии и естествознания были поставлены так, как лучшие умы ставят их в настоящую минуту». «Это большая ошибка. Г. Пыпина, как видно, ввело в заблуждение решительное замечание автора «Писем»: «Гегель поставил мышление на той высоте, что нет возможности после него сделать шаг, не оставив совершенно за собой идеализма». Но это замечание, — продолжает после цитаты Плеханов, — нисколько не помешало Герцену остаться идеалистом чистой воды как в своих взглядах на природу (тут он совсем гегельянец), так и в своей исторической фило-

софии»¹. Эту ошибочную оценку Плеханов проводит через все свои статьи, посвященные разбору взглядов Герцена.

Наиболее последовательным материалистом Плеханов считал Чернышевского.

Чернышевский, говорит Плеханов, всю свою жизнь был последователем Фейербаха, его философии. «Чернышевский, — пишет он, — прошел ту же школу, что Маркс и Энгельс: от Гегеля он перешел к Фейербаху. Но Маркс и Энгельс подвергли философию Фейербаха коренной переработке, а Чернышевский на всю жизнь остался последователем этой философии в том ее виде, какой она имела у самого Фейербаха»².

Философские взгляды Добролюбова Плеханов считал тождественными взглядам Чернышевского, так как оба они были учениками Фейербаха. На этом основании Плеханов не рассматривает отдельно взгляды Добролюбова.

В своих исследованиях Г. В. Плеханов уделяет большое внимание литературным, эстетическим взглядам революционных демократов, особенно Белинского и Чернышевского. Их главной заслугой перед русской литературой он считал сближение литературы с жизнью, с потребностями передовых, прогрессивных сил общества, с народом.

Плеханов разоблачил ложную, антинаучную оценку литературных взглядов Белинского, Чернышевского и их соратников со стороны таких «критиков» и историков, как Вольтинский, Скабичевский и др. Он считал положительным то, что русские революционные мыслители рассматривали искусство не как нечто самодовлеющее, не зависимое от действительной жизни народа, от общественных движений своего времени, не как «чистое искусство», а как нечто, имеющее общественное значение.

Безыдейность современного буржуазного искусства, говорит Плеханов, выражает собой упадок буржуазии как класса, обреченного на гибель. «Было время, когда высшие классы, для которых, главным образом, и существует искусство в «цивилизованном» обществе, стремились вперед, и тогда идейность не пугала, а, напротив, привлекала их»³.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 239.

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 260.

³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIV. Госиздат, 1925, стр. 77.

Теперь же, замечает Плеханов, буржуазия боится своего будущего и потому ее художники ничего не могут дать, кроме отвлеченного и хаотического символизма. Лишь великое общественное движение, сообщающее народу ясное сознание своего достоинства, справедливо говорит он, дает сильный небывалый толчок развитию его эстетических потребностей. Борьба классов составляет главное содержание общественной жизни, и, следовательно, для того чтобы понять, каким образом искусство отражает жизнь, надо понять уровень и содержание классово-борьбы. Всякая идеология, а также и искусство и изящная литература, пишет Плеханов, выражают собой стремление и настроение определенного общественного класса, имеют классовое содержание.

Плеханов не только защищал наследие Белинского и Чернышевского в области эстетики, но и всячески использовал его в борьбе против буржуазных теоретиков искусства. Опираясь на это наследие, разрабатывая марксистские взгляды на искусство, Плеханов беспощадно громил сторонников «искусства для искусства». Символизм, говорил он, — это искусство класса уходящего, это своего рода свидетельство о бедности мысли буржуазии, неспособной вызвать образ будущего. Класс же, которому принадлежит будущее, — современный пролетариат, вооруженный таким мощным духовным оружием, как учение марксизма, ясно видит настоящее и будущее, и потому его искусство вполне реалистично.

Вслед за Белинским Плеханов рассматривает искусство как мышление в образах в отличие от философии, оперирующей в форме силлогизмов. Опираясь на Чернышевского, развивая его мысль о том, что прекрасное есть жизнь, Плеханов показывает теснейшую связь между искусством как одной из форм общественного сознания и общественным бытием.

Заслугой Белинского Плеханов считал то, что он сумел применить к анализу русской литературы 30—40-х годов принципы гегелевской диалектики и эстетики. Причем в конце своей жизни Белинский в анализе литературы все ближе подходил к материалистическому пониманию истории, и потому его литературная критика становилась на вполне научную почву.

Что же касается Чернышевского, то его заслуга перед русской литературной критикой состояла в том, по

мнению Плеханова, что он сумел сделать новый шаг вперед, применив к анализу литературных явлений философские принципы Фейербаха. «Но и здесь его выводы, — продолжает Плеханов, — не были вполне удовлетворительны, потому что совершенно правильное понятие об эстетическом развитии человечества предполагает предварительную выработку общего понимания истории»¹.

А так как в понимании истории Чернышевский остался на позициях идеализма, говорит Плеханов, то и его эстетические взгляды остались неразработанными настолько, что в «Эстетике» идеалиста Гегеля можно встретить больше верных, материалистических замечаний, нежели в эстетике материалиста Чернышевского.

Плеханов в ряде работ анализирует философские взгляды Белинского. В них он проводит правильную и важную мысль — философские и социологические взгляды Белинского развивались в том же самом направлении, в каком развивались взгляды Маркса и Энгельса.

Высоко оценивая теоретическую деятельность Белинского, его поиски путей и закономерностей экономического и политического развития России, Плеханов писал:

«По нашему, Белинский является центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли. Он ставит себе, а следовательно, и другим, ту великую задачу, не решив которой мы никогда не знали бы, каким путем идет цивилизованное человечество к своему счастью и к победе разума над слепой, стихийной силой необходимости... И вот почему давно уже следовало посмотреть историю его умственного развития и его литературной деятельности с точки зрения *конкретных* взглядов наших дней. Чем внимательнее изучаем мы эту историю, тем глубже проникаемся убеждением, что Белинский был самой замечательной философской организацией, когда-либо выступавшей в нашей литературе»².

Изучая теоретическую деятельность Белинского, Плеханов внимательно прослеживает отношение Белинского к передовым для своего времени мыслителям Европы.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 260.

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 251—252.

Заслугой Белинского он считал то, что в диалектике Гегеля Белинский понял главное — идею отрицания, идею развития через борьбу противоположностей, заключенных в самом явлении, в самой действительности. При этом Белинский серьезно поправил Гегеля, который проблеме отрицания рассматривал абстрактно, в отрыве от действительности. «Но идеал, правомерный с новой точки зрения Белинского, не мог быть *«абстрактным идеалом»*. Так как историческое отрицание действительности является результатом *ее собственного развития*, то правомерным *может быть признан только такой идеал, который опирается на это развитие*. Такой идеал не будет «оторван от географических и исторических условий развития», о нем нельзя сказать, что он «построен на воздухе». Он только выражает в мыслях и образах результаты того процесса развития, который *уже совершается в действительности*. И он *конкретен* ровно настолько, насколько конкретна эта развивающаяся действительность»¹.

Вскрыть внутренние противоречия действительности, указать тенденции ее развития, силы, порождаемые самой действительностью, ведущие с неизбежностью закона к ее отрицанию, — такова, говорит Плеханов, была задача Белинского, которую он поставил перед собой в конце 30-х годов, еще в период «примирения с действительностью».

Именно поиски теории, могущей удовлетворительно объяснить закономерность преобразования русского общества, привели скоро Белинского к отказу от «примирения с действительностью» и к полному разрыву с гегелевским идеализмом. Однако, порывая с Гегелем, Белинский, говорит Плеханов, сохранил то ценное, что содержала гегелевская философия, — именно идею развития.

В противовес реакционным измышлениям идеологов господствующих классов Плеханов показал, что Белинский в результате своего идейного развития к концу жизни твердо стал на позиции философского материализма и пытался утвердить материализм в сознании передовых людей русского общества. Заслугой Плеханова следует считать то, что он первый заговорил о Белин-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 242.

ском как о крупнейшем мыслителе, обладавшем чутьем гениального социолога, стремившемся «обосновать ход своих идей на объективном ходе вещей»¹.

Плеханов ставит в заслугу Белинскому то положительное качество его как мыслителя, что он не терпел произвольных операций с отвлеченными понятиями, что он искал критерия разумности общественных явлений в их внутренней необходимости, в их исторической обусловленности. ««Разумны», а потому и «священны», такие общественные учреждения, — приводит Плеханов слова Белинского, — которые «диалектически развиваются в историческом движении»... Выражая эту мысль, он (Белинский. — М. С.) показал себя способным подняться на высоту самых важных и самых трудных задач социологии. С тех пор, как была высказана им эта мысль, общественная наука не сделала решительно ни одного завоевания, которое не подтверждало бы ее правильности»².

Излагая далее социологические взгляды Белинского, Плеханов неоднократно подчеркивает ту мысль, что для Белинского характерным было стремление связать социологию с насущными задачами общественной жизни, что Белинский считал серьезными и плодотворными только такие стремления и только такую деятельность, которые опираются на объективный ход общественного развития.

Плеханов высоко оценивает известное положение Белинского, что для гражданского развития России необходимо превращение дворянства в буржуазию. Здесь Плеханов усматривает зародыш материалистического понимания истории, ибо будущее развитие России ставится Белинским в зависимость от ее экономического развития.

«Белинский не дожил до той поры, — говорит Плеханов, — когда научный социализм окончательно сложился в стройную теорию. Но его гениальная мысль, уже вскоре после выступления его на литературное поприще, поставила перед ним такие теоретические задачи, правильное

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII. Госиздат, 1926, стр. 132.

² Там же, стр. 135.

решение которых прямым путем вело к научному социализму»¹.

Полемизируя с Пыпиным по поводу направления философского развития Белинского, Плеханов в статье «Белинский и разумная действительность» высказал мысль, что со временем Белинский сделался бы ревностным адептом диалектического материализма, который во второй половине XIX века явился на смену отжившей свое время идеалистической философии: историческое развитие увлекшей его философии направлялось как раз в эту сторону. Очень жаль, что Плеханов не проводит последовательно в своих работах о Белинском эту мысль.

В статье «Виссарион Григорьевич Белинский», написанной в 1909 году для «Истории русской литературы XIX века», Плеханов совершенно правильно высказывается об отношении Белинского к народу. Критикуя статью Ветринского, утверждавшего, что будто «Белинский не принадлежал к числу западников», выразивших народолобивые тенденции, Плеханов замечает: «Мы, наоборот, очень склонны думать, что, крайний во всех своих чувствах, Белинский и глубиной симпатии к угнетенному народу превосходил остальных членов западного кружка»².

В этом высказывании нельзя не заметить известного влияния ленинской оценки Белинского как выразителя дум и чаяний крестьянства. Эту мысль Ленин высказал в статье против веховцев.

Плеханов высоко оценил эстетические взгляды Белинского, его деятельность как литературного критика. Успех Белинского в этой области Плеханов объясняет прежде всего тем, что Белинский сумел поднять литературную критику на уровень высоких теоретических, философских обобщений.

Обладая чутьем гениального социолога, Белинский, по мнению Плеханова, сумел подойти к оценке литературных явлений не только и не столько с публицистической, сколько с социологической точки зрения. И, поскольку Белинский умел сам делать надлежащие выводы из раз найденных им посылок, он в последний период своей жизни рассматривал закономерности развития

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 145.

² Там же, стр. 141.

искусства в связи с развитием общественной жизни, с «общим характером эпохи», «видел последнюю инстанцию для критики уже не в развитии абсолютной идеи, а в развитии общественных классов и классовых отношений».

«В статьях Белинского, написанных в последние годы его деятельности, — говорит Плеханов, — заключается целая программа, которая до сих пор еще не выполнена нашей литературной критикой и которая только тогда будет выполнена ею, когда она сумеет целиком стать на социологическую точку зрения. Это опять свидетельствует о гениальной силе его мысли»¹.

Рассматривая эволюцию литературных взглядов Белинского, Плеханов подмечает тенденцию в развитии его философских взглядов, заключающуюся в приближении к историческому материализму. В статьях о Пушкине, говорит Плеханов, эта тенденция находит свое наибольшее выражение. Эти статьи показывают, замечает Плеханов, и «замечательную критическую проницательность» Белинского и его «выдающуюся способность делать крайние и вполне последовательные выводы из однажды принятых посылок»².

Больше того, Плеханов считает статьи Белинского о Пушкине целым переворотом в литературной теории, который состоял в том, что Белинский литературные явления ставит в прямую связь с развитием общественных отношений, с развитием и сменой господствующих классов и сословий.

Анализируя взгляды Белинского, Плеханов сравнивает его метод анализа литературных произведений с методом фламандца Альфреда Микиельса, у которого, по словам Плеханова, Тэн заимствовал все свои общие взгляды на историческое развитие искусства.

«Размышляя о зависимости, существующей между формами искусства, с одной стороны, и фазами общественного развития с другой, Микиельс, — пишет Плеханов, — упустил из виду то обстоятельство, что всякое цивилизованное общество состоит из сословий или классов, развитие и исторические столкновения которых проливают чрезвычайно яркий свет на историю всех идео-

логий. Белинский, как видно, уже понимал важное значение этого обстоятельства, хотя еще не совсем уяснил его себе. И в той мере, в какой он понимал, его взгляды приближались ко взглядам новейших материалистов»¹.

Объясняя поэзию Пушкина общественным развитием России, исторической ролью и состоянием того сословия, к которому принадлежал поэт. Белинский, по справедливому мнению Плеханова, приближался к вполне научному, то есть марксистскому, пониманию закономерностей развития литературы в связи с развитием общественной жизни.

Плеханов правильно считал, что Белинский как литературный критик далеко опережал своих современников и что даже наиболее передовые наши литературные критики 70-х годов XIX века не смогли встать на тот уровень, которого достигла эстетическая и литературно-критическая мысль Белинского 40-х годов. Только марксистская критика, опирающаяся на коренные положения исторического материализма, сумела превзойти достижения предшествующей марксизму эстетической мысли. Однако тот вклад, какой внес Белинский в разработку эстетики, его наиболее важные и ценные положения восприняты марксизмом-ленинизмом.

Как бы обобщая все сказанное о Белинском, подводя итог его литературной и общественной деятельности, Плеханов пишет: «...Белинский был не только в высшей степени благородным человеком, великим критиком художественных произведений и в высшей степени чутким публицистом, но также обнаружил изумительную проницательность в постановке, — если не в решении, — самых глубоких и самых важных вопросов нашего общественного развития... и до сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличие которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской «действительности»»².

Плеханов высоко оценил и деятельность Герцена как мыслителя и борца против феодализма. Герцену, говорил

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 162, 163.

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 300.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 303.

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 166—167.

Плеханов, принадлежит одно из самых первых мест среди тех наших писателей, которые подготавливали общественное мнение России к реформе 1861 года. Именно Герцен принял знамя освободительной борьбы из рук Белинского; только Герцен и никто другой не годился для роли «свободного органа» передовых русских людей XIX века. «После всего сказанного выше, — пишет Плеханов, — едва ли нужно доказывать, что все его симпатии были именно на стороне народа»¹.

Вполне научно объясняет Плеханов скептицизм Герцена в отношении Европы. Герцен называл мешанской буржуазную Европу. Однако он видел, говорит Плеханов, что спасение Европы зависит от развития рабочего движения, он думал, что только торжество рабочего класса могло бы спасти Запад от овладевшего им мешанства. В оценке развития событий в Западной Европе Герцен, по мнению Плеханова, стоит значительно выше современных скептиков.

«Мы видим, — говорит Плеханов, — что, рассуждая о возможной судьбе Запада, Герцен становится на точку зрения *борьбы классов: победит рабочий класс* — Западная Европа воскреснет к новой жизни; *не победит* — она окончательно разложится. Эта попытка определить дальнейший ход внутреннего развития данного общества, становясь на точку зрения происходящей в нем борьбы классов, сближает здесь Герцена с последователями современного научного социализма. Но не следует преувеличивать это сближение»².

Касаясь собственно философских взглядов Герцена, Плеханов также отмечает целый ряд достоинств Герцена как мыслителя сравнительно со многими современными философами-идеалистами, богоискателями и пр. «В «Письмах об изучении природы», — говорит Плеханов, — есть поистине блестящие страницы, излагающие диалектический взгляд на мировой процесс. Я не имею никакой возможности воспроизводить здесь эти страницы: их слишком много; но я не могу устоять перед искушением выписать из них некоторые наиболее характерные отрывки»³.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 297.

² Там же, стр. 301.

³ Там же, стр. 375.

Приведя затем некоторые, действительно наиболее характерные выписки из работы Герцена, Плеханов признал «Письма» большой теоретической заслугой Герцена.

«Под впечатлением всех этих отрывков легко можно подумать, что они написаны не в начале 40-х годов, а во второй половине 70-х, и притом не Герценом, а Энгельсом. До такой степени мысли первого похожи на мысли второго. А это поразительное сходство показывает, что ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а, стало быть, и Маркса»¹.

Это утверждение Плеханова наносило прямой удар по тенденциозно-клеветническим космополитическим измышлениям дворянско-буржуазных профессоров о Герцене, которого они пытались изобразить религиозно-мистическим философом.

Особенно важным считает Плеханов в «Письмах» то, что в них Герцен, в духе Энгельса, настойчиво обращает внимание естествоиспытателей на то, как полезно было бы для них диалектически взглянуть на природу, отойти от чисто эмпирической точки зрения, разобрать отношение знания к предмету, мышления к бытию.

Герцен и его соратники, «лучшие люди сороковых годов», были замечательны еще и тем, говорит Плеханов, что они «умели связывать самые глубокие вопросы теории с самыми жгучими вопросами общественной жизни»².

Если Герцен и другие передовые русские мыслители 40-х годов и не смогли стать основателями научного социализма, то это, говорит Плеханов, объясняется экономической отсталостью России и слабым знакомством русских мыслителей с экономикой Запада.

Будущие историки социализма, замечает Плеханов, выяснят сильные и слабые стороны герценовского социализма. «Они отведут нашему блестящему автору одно из самых видных мест в ряду тех писателей первой половины XIX века, которые, всем сердцем сочувствуя социализму, более или менее ясно сознавали шаткость его утопической основы и делали, — оставшиеся безуспеш-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 377.

² Там же, стр. 395.

ными, но все-таки в высшей степени замечательные, — попытки поставить его на прочный фундамент науки»¹.

В 1911 году, в связи с 50-летием отмены крепостного права, Плеханов выступил с двумя статьями — «Герцен эмигрант» и «Герцен и крепостное право» и прочитал несколько докладов о Герцене.

Статьи и лекции Плеханова о Герцене в связи с пятидесятилетием отмены крепостного права (1911) и в связи со столетием со дня рождения Герцена (1912) имели большой успех среди русских эмигрантов и передовых слоев русского общества.

В работах Плеханова о Герцене нельзя не заметить сходных с ленинскими оценок Герцена. Однако не следует преувеличивать этого сходства. Как будет выяснено далее, Ленин во многом и весьма существенном расходился с Плехановым в оценке Герцена и других революционных демократов.

Наибольшее внимание Плеханов уделял изучению и освещению наследия Н. Г. Чернышевского, которого он считал самым выдающимся революционным мыслителем России, «революционером по принципу».

В целом ряде работ, которые посвятил Плеханов Чернышевскому, рассмотрены, проанализированы и подвергнуты критическому разбору все стороны мировоззрения великого русского мыслителя.

Высоко оценивая революционное и материалистическое мировоззрение Чернышевского, Плеханов говорит о нем как о мыслителе, отразившем ненависть народных масс к своим угнетателям.

Плеханов особенно подчеркивает критику Чернышевским социального строя современных ему буржуазных стран.

Философские, социологические и эстетические взгляды Чернышевского, как и других русских мыслителей, Плеханов рассматривает в связи со взглядами их предшественников и современников — западноевропейских мыслителей. Что особенно важно в работах Плеханова о Чернышевском и других русских мыслителях, так это сопоставление взглядов русских революционных мыслителей с марксизмом. Именно это отметил Ленин как большую заслугу Плеханова.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 407.

Говоря о Чернышевском, Плеханов противопоставлял его народникам. «По сравнению с народниками Чернышевский, — писал он, — до сих пор остается самым передовым человеком»¹. Он решительно отверг клеветнические измышления либерально-буржуазных ученых по поводу знаменитого романа Чернышевского «Что делать?» и высоко оценил это произведение. Обращаясь к врагам революционных демократов, Плеханов писал: «...пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?»! Никто не укажет такого произведения, потому что его не было, нет и, наверное, не будет»².

В книге «Н. Г. Чернышевский» Плеханов решительно выступил против либеральных народников, фальсифицировавших революционно-демократические и материалистические идеи великого русского мыслителя. В противовес реакционным народникам Плеханов высоко оценил идейное наследство Чернышевского, подчеркнул материалистический, революционно-демократический характер его мировоззрения. Плеханов назвал Чернышевского великим материалистом нового времени и первым в нашей литературе указал на то, что Чернышевский и его соратники создали жизненный зародыш материалистической диалектики.

Плеханов устанавливает полное сходство взглядов русского мыслителя со взглядами Фейербаха. Однако Плеханов не ограничивается простым сопоставлением взглядов Чернышевского со взглядами Фейербаха, а пытается выяснить различие в их взглядах. Прежде всего он справедливо подчеркивает ту мысль, что «в основе философии Чернышевского лежит идея единства человеческого организма»³.

Выступая против дуализма и волюнтаризма, Чернышевский, по мнению Плеханова, опирался на данные современного ему естествознания, освобожденные от примесей натурфилософии. Под его пером научные представления «до такой степени освободились от всяких

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VI, стр. 409.

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 114—115.

³ Там же, стр. 196.

метафизических примесей, до такой степени окрасились в материалистический цвет естествознания, что сам собою возникает вопрос: не был ли Чернышевский уже в то время (1860 г. — М. С.) знаком с зоологическими теориями Ламарка и Жоффруа Сент-Илера?»

Больше того, говорит Плеханов, в работах Чернышевского 50-х годов высказано много таких соображений, «которые можно встретить в вышедшей значительно позже книге Дарвина «Происхождение человека»»¹.

Большое внимание Плеханов уделяет рассмотрению взглядов Чернышевского на проблемы нравственности, правильно подчеркивая ту мысль, что Чернышевский своей главной задачей считал философское обоснование «известных практических требований. Вот почему и в своей статье «Антропологический принцип в философии» он не упускает из виду этих требований, не раз заговаривая о них. И вот почему также он посвящает в ней много внимания тем вопросам философской теории, которые имеют непосредственное отношение к задачам практической жизни. Таков, например, вопрос о философской основе нравственности, а прежде всего о воле»². При этом Плеханов говорит, что взгляды Чернышевского на характер человека как на продукт обстоятельств выработались не только и не столько под влиянием Фейербаха, сколько под влиянием современных ему западноевропейских социалистов, особенно Роберта Оуэна.

Основное содержание этической теории Чернышевского, по мнению Плеханова, сводится к известному положению, отмеченному Марксом в «Святом семействе» в связи с оценкой им французских материалистов:

«Если человеческий характер создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать эти обстоятельства достойными человека». После нескольких выписок из работ Чернышевского, в которых развивается взгляд, сходный со взглядами французских материалистов XVIII века: человек становится добрым или злым в силу известных обстоятельств, — Плеханов заключает: «Отсю-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 200.

² Там же, стр. 202.

да, разумеется, совсем близко до практических выводов в направлении, отмеченном Марксом»¹.

Рассматривая далее борьбу Чернышевского против идеализма, особенно его полемику с Юркевичем, Плеханов показывает могучую силу логического мышления русского материалиста, его полное и всестороннее превосходство над «жвачными» любомудрами, то есть его противниками — идеалистами. Вскрывая невежество Вольтинского и Юркевича, их фальсификацию взглядов Чернышевского, Плеханов пишет:

«...г. Вольтинский, вслед за Юркевичем, находит, что «Чернышевский плохо обрисовал вопрос об единстве человеческой природы». Тут дело вот в чем. Юркевич приписывает Чернышевскому ту мысль, что между материальными и психическими явлениями *нет никакой разницы*, и с победоносным видом вопрошает, каким образом ощущения рождаются в результате движения нерва. Это — старый вздор, с которым давно уже пристают к материалистам, и из которого следует только то, что люди, желающие «критиковать» материализм, не знают даже его азбуки. Чернышевский нигде не говорит в своей статье, что нет никакой разницы между так называемыми физическими явлениями, с одной стороны, и явлениями психическими, с другой. Напротив, он категорически признает существование этой разницы; но он думает, что она не дает никакого права относить психические явления насчет особого нематериального фактора. Это и есть точка зрения всех выдающихся материалистов нового времени со включением, разумеется, Фейербаха и Чернышевского»².

Рассматривая и излагая далее теорию познания Чернышевского, Плеханов анализирует две наиболее важные в этом отношении его работы: «Характер человеческого знания» и предисловие к предполагавшемуся третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности», то самое предисловие, которое проанализировал Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

Плеханов с сочувствием и одобрением излагает критику Чернышевским идеалистических, агностических

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 203, 204.

² Там же, стр. 208, 209.

концепций познания, особенно подчеркивает понимание Чернышевским партийности философии.

«...Мы имеем право предположить, — заключает Плеханов, — что и нынешнее состояние философии приводилось им в связь с классовым положением людей, специально ею занимающихся. Иначе сказать, очень вероятно, что Чернышевский ставил широкое теперь распространение философского «иллюзионизма» в причинную связь с упадком того общественного класса, идеологами которого служат, в огромнейшем большинстве своем, философы нашего времени»¹.

Специальный раздел своей книги, озаглавленный «Чернышевский и диалектика», Плеханов посвятил изложению диалектических идей Чернышевского. Анализируя такие работы революционера-демократа, как «Лессинг и его время», «Очерки Гоголевского периода русской литературы» и другие, Плеханов говорит, что в критическом разборе философии Гегеля Чернышевский понимался до того, что в его работах содержатся оценки, сходные с оценками Энгельса.

«Мы находим там, например, вот эти строки, очень напоминающие отзыв Энгельса о двойственном характере философии Гегеля...»², — пишет Плеханов. Приведя затем длинную выписку из работы «Очерки Гоголевского периода русской литературы», содержащую оценку гегелевской философии: «принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы — узки и ничтожны...», — Плеханов заключает:

«Тут очень много справедливого. Диалектический метод в самом деле совершенно непримирим с «общими отвлеченными изречениями», опираясь на которые люди судили, — да, к сожалению, до сих пор слишком часто судят, — об явлениях, не рассматривая обстоятельств и причин, по которым они возникают. И Чернышевский, совершенно прав, видя в этом огромное преимущество диалектического метода»³.

Однако, говорит Плеханов, Чернышевский упускал из виду как раз самое главное, что характеризует диалектический метод, — то, что он в самом явлении, а не

в тех или других симпатиях или антипатиях исследователя ищет сил, обуславливающих собой развитие этого явления. Именно к этому и сводятся все главные преимущества диалектического метода, именно поэтому диалектический метод материалистичен по своей природе. «Но для того, чтобы понять во всей ее полноте материалистическую природу диалектического метода, нужно выяснить себе, что его сила заключается в сознании того, что ход идей определяется ходом вещей и что поэтому субъективная логика мыслителя должна следовать за объективной логикой исследуемого явления». Этого как раз и не доставало Чернышевскому, его требование необходимости «обозревать предмет со всех сторон еще далеко не равносильно сознанию того, что ход такого обозрения должен всецело определяться логикой развития самого предмета»¹.

Но материалист Чернышевский, пишет Плеханов, сознавая важное значение диалектического метода, все-таки был далек от понимания его главного преимущества и потому не сумел подвергнуть его той переработке, какую он получил у Маркса и Энгельса.

«Но скажем еще раз: в философских взглядах Чернышевского уже есть жизнеспособный зародыш материалистической диалектики»².

В целом ряде своих работ Чернышевский, по свидетельству Плеханова, выступает блестящим диалектиком.

Несомненный интерес представляют исследования Плехановым исторических взглядов Чернышевского. Плеханов не ограничивается здесь сравнением взглядов Чернышевского со взглядами его предшественников и современников, а тщательно анализирует важнейшие произведения русского мыслителя и выясняет тот вклад, какой он внес в историческую науку, в методологию истории.

Главное, что прослеживает Плеханов в трудах Чернышевского, — это его подход в ряде вопросов к материалистическому пониманию истории. «И мы уже видели, — пишет он, — что Чернышевский умел объяснить развитие философской мысли ходом политической борьбы, т.е. опять-таки развитием общественной среды. Мы

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 236.

² Там же, стр. 227.

³ Там же, стр. 229.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 230.

² Там же, стр. 231.

знаем также еще из статьи «Антропологический принцип в философии», что всякое данное общество, равно как и всякая данная органическая часть общества, считает полезным и справедливым то, что полезно этому обществу или этой его части. Чернышевскому стоило только последовательно применить этот свой взгляд к истории идейного развития человечества, чтобы ясно увидеть, каким образом это развитие обуславливается столкновением человеческих интересов в обществе, т.е. «экономикой» этого общества. И Чернышевский в самом деле ясно видел это, — по крайней мере в некоторых случаях»¹.

Плеханов пространно цитирует работы Чернышевского, в которых проводится тот взгляд, что не сознание определяет собой бытие, а, наоборот, бытие определяет собой сознание. При этом он, подмечая оригинальные мысли Чернышевского, с полным основанием утверждает, что «в его сочинениях рассыпано немало важных замечаний, проливающих новый свет на различные вопросы науки. Подобные замечания часто вполне совпадают с важнейшими открытиями, делавшимися тогда в западной науке»².

Приведя несколько выдержек из работы Чернышевского «Очерки политической экономии (по Миллю)», в которых выражены гениальные догадки великого русского мыслителя, его подход к историческому материализму, Плеханов замечает: «Под этими строками охотно подписался бы любой из современных материалистов-диалектиков»³.

Указав на то, что взгляды Чернышевского в некоторых пунктах приближаются к взглядам основоположников научного коммунизма, Плеханов делает следующий общий вывод, оценивающий исторические взгляды Чернышевского:

«Тут взгляды нашего автора поразительно совпадают со взглядами Маркса и Энгельса. Да оно и неудивительно. Чернышевский прошел ту же школу, что Маркс и Энгельс: от Гегеля он перешел к Фейербаху. Но Маркс и Энгельс подвергли философию Фейербаха коренной переработке, а Чернышевский на всю жизнь остался последователем этой философии в том ее виде, какой она

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 257.

² Там же, стр. 39.

³ Там же, стр. 42.

имела у самого Фейербаха... Но материалистические мысли его учителя страдали отвлеченностью там, где они касались общественных отношений людей. И эта слабая сторона мыслей Фейербаха привела к тому, что исторические взгляды его русского ученика оказались недостаточно стройными и последовательными. Главный недостаток этих исторических взглядов состоит в том, что материализм чуть не на каждом шагу уступает в них место идеализму, и наоборот, при чем окончательная победа все-таки достается идеализму»¹.

Таким образом, Плеханов выяснил и определил место Чернышевского и других русских революционных мыслителей-материалистов XIX века в истории мировой общественной мысли. Он указал сильные и слабые стороны их мировоззрения.

В последний год своей жизни Плеханов написал главу третьего тома «Истории русской общественной мысли», посвященную анализу мировоззрения Радищева, которого он назвал зачинателем революционной идеологии в России, преемником Чернышевского и Добролюбова. Находясь под влиянием освободительных идей французской философии, Радищев, по мнению Плеханова, сознательно задался целью распространить революционные идеи в передовых слоях русского общества.

«Мирозерцание Радищева, — писал Плеханов, — хотя и не тождественно с мирозерцанием передового человека нашего времени, — по весьма понятной причине тождество является здесь, очевидно, невозможно, — однако связано с ним узами близкого родства. Идеи, на которых он воспитался, были теми идеями, под знаменем которых совершился плодотворный общественный переворот конца XVIII века и которые частью до сих пор сохранили свое значение, а частью послужили теоретическим материалом для выработки нынешних наших понятий.

Если мы, вслед за Гегелем, назовем освободительное движение XVIII столетия величественным восходом солнца, то мы должны будем сказать, что, в противоположность мистикам, А. Н. Радищев принадлежал к числу немногочисленных русских людей, оценивших это достойное явление и искренно поклонявшихся ему.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 260, 261.

Скажу больше: он был самым выдающимся между ними»¹.

Анализируя работы Плеханова по истории русской общественной мысли, нельзя не заметить, что эти работы подразделяются на два периода. В 80—90-х годах XIX века в освещении мировоззрения русских революционеров-демократов Плеханов приближался к вполне научному объяснению их действительного места в истории общественных движений и общественной мысли в России. В своих работах о Белинском, Герцене и Чернышевском, написанных в этот период, Плеханов глубоко исследовал их взгляды, показал их сильные и слабые стороны.

В первых статьях о Чернышевском, относящихся к 90-м годам, Плеханов подчеркивает его демократизм, боевой революционный характер его сочинений. Так, в статье, опубликованной в «Социал-Демократе» в 1890 году, Плеханов пишет: «Изучая западноевропейские общественные отношения, Чернышевский, можно сказать, невольно приходил к тому выводу, который лег впоследствии в основу программы Интернационала и который гласит, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»². В той же статье Плеханов справедливо указывает на то, что Чернышевский, питая надежду на крестьянские восстания, считал возможным очень быстрый рост крайней партии, всецело стоявшей на стороне крестьянства, и что революционное движение в тогдашней России ему представлялось вполне возможным. В известной мере правильно также указание Плеханова на то, что Чернышевский, будучи революционером по принципу, утверждал, что «во внутренних делах каждой страны, как и между отдельными государствами, все важные споры решаются в конце концов войной...»³.

Большое место в своих первых статьях Плеханов уделяет критике либерализма. Известно, что Чернышевский всю свою жизнь не упускал случая поиздеваться над либералами, над их пустотой, видимым радикализмом, вечным стремлением все реформировать, не выходя при этом из пределов гостиной. Но главное, за что ненавидел Чернышевский либералов, — это за их постоян-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXII. Госиздат, 1925, стр. 333.

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 62.

³ Там же, стр. 88.

ное стремление принижать активность масс, отстаивать интересы и привилегии помещиков против крестьян.

Плеханов обстоятельно излагает критику либерализма Чернышевским, не скупясь при этом на острые и резкие выражения. «Вообще, — пишет Плеханов, — Чернышевский не упускал случая посмеяться в своих статьях над русскими либералами и печатно заявить, что ни он, ни вся крайняя партия не имеют с ними ничего общего. Трусость, недалекость, узость взглядов, бездеятельность и болтливая хвастливость — вот отличительные качества, какие он видел в тогдашних либералах»¹.

Вполне научно-материалистически Плеханов освещает условия формирования мировоззрения и обстановку, в которой жили и боролись Белинский, Герцен и Чернышевский. Он показал, как гнет крепостного права и самодержавия стеснял развитие производительных сил страны, сковывал материальные и духовные силы народа. Талантливый публицист Плеханов умел во всей неприглядности показать мрачные стороны русской действительности, с которой повседневно сталкивались русские революционные мыслители XIX века.

Правда, на наш взгляд, Плеханов допускает неточность в оценке русской действительности середины XIX века. Справедливо указывая на то, что правительственная система давила все живое, все мыслящее, Плеханов не показывает той напряженной классовой борьбы, какая велась в России в 40—60-х годах между основными классами русского общества того времени, между двумя противоположными, хотя и неоформленными партиями. Эти партии выражали стремления двух противоположных классов — крепостников-помещиков и крепостных крестьян. Идеологию первых сильнее всего выражали такие люди, как граф Уваров, бывший министром просвещения, профессор истории Погодин, профессор Шевырев, несколько позже Катков — редактор «Московских ведомостей», публицисты Кавелин и Чичерин и многие другие, составлявшие партию застоя. Это они всемерно стремились соорудить как можно больше «умственных плотин», сдерживающих проникновение прогрессивных идей в русское общество. Против этой

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 84.

реакционной партии, являвшейся идеологической опорой царизма и крепостничества, вели беспощадную борьбу революционные деятели, составлявшие противоположную партию, партию Белинского—Чернышевского. Плеханов даже в самых лучших своих статьях упускает из виду эту борьбу партий в России середины XIX века. Отсюда проистекают многие его ошибки как историка русской общественной мысли. Эти ошибки коренятся в том, что Плеханов не считал крестьянство революционным классом, классом, способным на радикальные действия. Еще со времени «хождения в народ», разочаровавшись в революционных способностях крестьянства, Плеханов навсегда остался верным принципу отрицания революционных потенций крестьянства, и поэтому революционные разночинцы остались для него умными, одаренными мыслителями-одиночками, но не идеологами крестьянства. Он не подчеркивал того, что они выражали настроения, чаяния крестьянства, рвущегося к свободе.

Вот почему уже в марксистский период своей деятельности Плеханов в оценке русской революционно-демократической мысли допустил серьезные промахи. Плеханов неправильно рассматривал развитие русской философской мысли как процесс «филиации идей». И это тем более досадно, что в общеполитическом плане Плеханов выступал с критикой той самой точки зрения, того взгляда, который исходил из филиации идей. Так, в статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» Плеханов подверг резкой критике теории «взаимодействия» и «логической филиации идей» как совершенно ненаучные, ничего не объясняющие, не дающие ответа на вопрос о том, чем обуславливается историческое развитие философии. Еще Гегель, говорит Плеханов, понимал, что философия является естественным и необходимым продуктом своего времени, «только при данном государственном устройстве, — цитирует Плеханов Гегеля, — может существовать данная философия и данное искусство»¹.

В статьях же о Чернышевском Плеханов упускает из виду это положение. Так, например, он неправоммерно считал, что Чернышевский был просто-напросто слепым

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VII, стр. 36.

последователем Фейербаха, популяризатором его взглядов, которые якобы не нуждались в каких-либо исправлениях или дополнениях. В статье о Чернышевском Плеханов писал: «Из всех своих литературных предшественников Чернышевский с наибольшим уважением относился к В. Г. Белинскому и его кружку. Можно было бы думать поэтому, что он воспитался именно на сочинениях Белинского и его кружка, что он из этого источника почерпнул свое понимание идей правды, науки и искусства. Это, однако, не совсем так... Спрашивается теперь, каков же именно был этот первоначальный источник?.. На Фейербаха указывает самое название единственной философской статьи, написанной Чернышевским: об антропологической точке зрения в философии заговорил впервые именно Фейербах... Для него Фейербах не ниже Гегеля, а этим сказано очень много, потому что Чернышевский считал Гегеля одним из гениальнейших мыслителей. Итак, философская точка зрения нашего автора найдена. Как последователь Фейербаха, Чернышевский был материалистом»¹.

Плеханов говорит о Чернышевском как о распространителе чужих идей на русской почве, то есть идей Фейербаха, дальше которых Чернышевский будто бы не пошел. Он упрекает Чернышевского в том, что тот не смог заметить пробелы и недостатки во взглядах своего учителя — Фейербаха. Единственно, что, по мнению Плеханова, определяло философские воззрения Чернышевского, — это влияние материализма Фейербаха. Основные философские взгляды Чернышевского, «заимствованные у Фейербаха, — пишет он, — логически выросли из философии Гегеля путем весьма поучительного диалектического процесса, благодаря которому идеализм породил материализм»².

Логическую и историческую последовательность в развитии философской мысли в России Плеханов явно недооценивает. Он исключает даже самый термин «история русской философии», так как, по его мнению, в России речь может идти только об истории распространения западноевропейской философии.

В монографии «Н. Г. Чернышевский» Плеханов из-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. V, стр. 27, 28, 29.

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 312.

лагают и политические взгляды Чернышевского. Здесь он допускает наибольшую ошибку в оценке взглядов великого революционера. Вопреки очевидной истине он утверждает, что Чернышевский как социалист-утопист отвергал классовую борьбу, не верил в революционные силы народа, крестьян считал варварами и все надежды в деле общественного преобразования возлагал на царское правительство. «Замечательно, что у Чернышевского, — пишет Плеханов, — правительство, начинающее коренное «изменение экономического быта в пользу работников и в невыгоду капиталистов», старается не запугать «общество», т. е. этих капиталистов, не произвести на них «тяжелого впечатления»¹.

Это утверждение Плеханова никак не вытекает из анализа трудов Чернышевского и противоречит утверждению самого Плеханова, называвшего в 90-х годах Чернышевского «революционером по принципу». Плеханов исходит из принятой им следующей концепции: учителями Чернышевского были западноевропейские социалисты-утописты, которые отвергали классовую борьбу, Чернышевский жил и действовал в России стране, отстававшей от передовых стран Запада в своем экономическом и политическом развитии, и поэтому русские мыслители не могли выйти за пределы идей своих западноевропейских учителей, следовательно, они отвергали классовую борьбу.

Эти ошибочные положения Плеханова переросли в меньшевистский период его деятельности в целую антинаучную концепцию, что особенно сказалось в его книге «Н. Г. Чернышевский», вышедшей в 1910 году. На первый план в этой книге выдвигаются слабые стороны мировоззрения Чернышевского, подчеркивается его утопизм, исторический идеализм, абстрактность суждений, склонность к мирному разрешению социальных проблем. Что же касается критики Чернышевским либерализма, то этой теме отведено всего две страницы, да и то речь шла не о русских, а о прусских и австрийских либералах. Сравнивая эту монографию Плеханова с его статьями о Чернышевском, написанными в 90-х годах, ясно можно видеть, какой крутой поворот к либерализму сделал сам Г. В. Плеханов за это двадцатилетие.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VI, стр. 238.

Философские взгляды Чернышевского меньшевик Плеханов рассматривал в отрыве от развития философской мысли в России 40—50-х годов, в отрыве от общественных отношений, то есть классовой борьбы, вне связи с его революционно-демократическими взглядами. Такое изложение взглядов выдающегося революционно-го деятеля нельзя признать научным.

Серьезные ошибки допустил Плеханов в изложении взглядов В. Г. Белинского. Он изображает дело так, будто Белинский в своем идейном развитии переходил от шеллингианства к фихтеанству, от фихтеанства к гегельянству, от гегельянства к фейербахианству. Вот как Плеханов формулирует эти этапы: «Три первые акта умственной драмы Белинского можно озаглавить так: 1) абстрактный идеал и фихтеанство; 2) примирение с «действительностью» под влиянием «абсолютных» выводов гегелевой философии; 3) восстание против «действительности» и переход частью на отвлеченную точку зрения... гегелевой *диалектики*.

Четвертый акт этой драмы начался полным разрывом с идеализмом и переходом на *материалистическую* точку зрения Фейербаха. Но рука смерти опустила занавес после первых же сцен этого акта»¹.

В оценке деятельности Белинского Плеханов опять-таки становится на опровергнутую им самим в 1891 году точку зрения «взаимодействия» и «логической филиации идей». Вместо конкретного анализа идеологической борьбы общественных классов 30—40-х годов как условия, определявшего развитие философии в России, Плеханов обращается к анализу «влияний», «взаимодействий», к филиации идей.

По той же самой логике Плеханов оценивает общественно-политические взгляды Белинского. «Не открыв в народе никаких прогрессивных элементов, — говорил он, — и не питая ни малейшей надежды на то, что протест против нашей печальной действительности выйдет из народной среды, Белинский поневоле повернул свои взоры к царскому трону»².

Плеханов далее представляет дело таким образом, что Белинский, не найдя в народе залога прогрессивного

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIII, стр. 164.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. X, стр. 345.

движения, стал ожидать отмены крепостного права и освобождения крестьян сверху, от царя. По словам Плеханова, Белинский в конце своей жизни даже стал противником прогрессивных деятелей, ибо «он опасался, как бы наши прогрессисты не залугали правительство резкими проявлениями своей враждебности к нему. Такие люди стали казаться Белинскому вредными...»¹.

Белинский умер в 1848 году. В 1847 году он написал свое знаменитое «Письмо к Гоголю». У постели умирающего гениального социолога, как назвал когда-то Белинского Плеханов, сидели царские жандармы, жаждавшие посадить своего злейшего врага в Петропавловскую крепость, и совсем не за то, что Белинский повернул свои взоры к царскому трону. Схема Плеханова решительно порывала с логикой и с фактами.

Нетрудно заметить, что в своих статьях о Белинском Плеханов держится принятого им метода исследования, несостоятельность которого нами уже отмечена. Он отзывается о Белинском как о гениальном социологе и философе, но при более или менее внимательном исследовании статей Плеханова оказывается, что гениальность Белинского состояла не в том, что он сумел глубже других вскрыть противоречия экономического и политического развития страны, вскрыть противоречия буржуазного общества, дать критику буржуазных порядков, буржуазной цивилизации как мешанской, узко ограниченной, а только в том, что он усвоил философию Гегеля. Подход Белинского к диалектическому материализму, его критику идеализма Плеханов обходит молчанием.

Такие же ошибки допускает Плеханов и в оценке мировоззрения А. И. Герцена. Основное, что определяло философские взгляды Герцена, по мнению Плеханова, — это влияние двух его учителей — Гегеля и Фейербаха. Причем влияние Гегеля он считал более сильным, Фейербаха же, замечает Плеханов, Герцен не усвоил, и поэтому идеализм в его взглядах доминирует. Такое заключение можно сделать, лишь не дав себе труда глубоко исследовать содержание знаменитого произведения Герцена.

Плеханов считал, что теорию социализма Герцен

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 346.

заимствовал у Сен-Симона и Фурье, подвергнув ее критике с позиций Гегеля. Социалисты-утописты, как огня, боялись классовой борьбы, их программы были рассчитаны на водворение мира между различными общественными классами. Когда Герцен увидел, что события 1848—1849 годов ознаменовались кровавой борьбой между пролетариатом и буржуазией, тогда он разочаровался в Западной Европе. Герцену, как идеалисту в истории, говорит Плеханов, ничего другого не оставалось, как стремиться к примирению. Правда, он иногда думал о классовой борьбе, допускал ее, но это потому, что логика Гегеля требовала думать именно так. «Логика Гегеля, — писал Плеханов, — имевшая такое большое влияние на Герцена, не знает другого пути для примирения (в высшем единстве) противоречащих один другому элементов данного понятия, кроме их непримиримой взаимной борьбы... Поэтому Герцен, отвергая классовую борьбу вслед за французскими социалистами-утопистами, изменял диалектическому методу своего учителя»¹.

В заключение статьи о философских взглядах Герцена Плеханов указывает, что Герцен отвергает насилие как средство исправления общественных нравов вполне в духе учения Л. Н. Толстого о непротииении злу насиллем. «Герцен, — говорит Плеханов, — видел лишь отрицательные стороны классовой борьбы... Он боялся классовой борьбы»².

Так Плеханов изложил мировоззрение Герцена. Герцен представлен философом-идеалистом-гегельянцем, боявшимся классовой борьбы, проповедующим классовый мир. Учение Герцена, по его мнению, содержит в себе «*всю истину* толстовской теории непротииения злу насиллем»³.

Такое освещение мировоззрения Герцена противоречит фактам.

В. И. Ленин отмечал, что работы Плеханова марксистского периода («О Чернышевском» и др.) сыграли положительную роль в деле научного освещения мировоззрения великих русских революционных демократов, в

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 392.

² См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник VI. Соцэргиз, 1938, стр. 62.

³ См. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 410.

разоблачении тенденциозно-клеветнических измышлений либерально-буржуазных, народнических профессоров. Ленин высоко оценил статьи Плеханова о Чернышевском, указав, что в споре Плеханова с народниками и экономистами по поводу наследия Чернышевского истина на стороне Плеханова.

В статье «Попытное направление в русской социал-демократии» Ленин пишет: «Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-Демократ», изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса. Редакция же «Раб. Мысли» обнаружила только свое неумение дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон»¹.

Но Плеханов, как выяснено выше, не был последовательным в оценке наследия русских революционеров-демократов. Ленину пришлось провести большую работу по критике ошибок Плеханова, по выяснению места и роли русской революционно-демократической мысли в истории общественной мысли всех народов.

В статьях «Памяти Герцена», ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «О «Вехах»» и других, посвященных русской революционно-демократической мысли XIX века, Ленин выясняет теснейшую связь и зависимость социально-политических и философских взглядов русских материалистов XIX века с освободительным движением против царизма и крепостничества, с историческими условиями русской общественной жизни. Разоблачая буржуазно-кадетские и меньшевистские измышления о «беспочвенности интеллигентского мирозерцания» Белинского и Чернышевского, Ленин доказывает, что в мировоззрении великих русских мыслителей нашли свое выражение интересы и чаяния крепостного крестьянства.

В своей работе «Как организовать соревнование?» Ленин указывает на то, что ненависть, которую питали к Белинскому все прихлебатели и приживальщики крепостников-помещиков, основывалась на том, что всем им трудно было расстаться с крепостным правом, а поскольку они видели в Белинском врага крепостничества,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 249.

то они иначе к нему относиться и не могли. В замечательной статье «О «Вехах»», направленной в основном против кадетов, Ленин вразрез с Плехановым настойчиво проводит ту мысль, что русская демократия со времен Белинского всей своей литературной и публицистической деятельностью выражала прежде всего интересы самых широких масс населения в борьбе за элементарные права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями.

Возвращаясь к оценке мировоззрения Белинского в 1914 году, Ленин писал: «Предшественником полного вытеснения дворян разншчинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»¹.

В апреле 1912 года исполнилось 100 лет со дня рождения Герцена. В Женеве состоялось собрание, посвященное памяти Герцена, на котором с докладом выступил Г. В. Плеханов. 8 мая 1912 года в «Социал-Демократе» опубликована статья В. И. Ленина «Памяти Герцена», направленная против неправильной оценки мировоззрения и революционной деятельности Герцена в либеральной печати. Правда, Ленин не называет имени Плеханова, но своим содержанием ленинская статья обращена и против плехановской оценки Герцена. В то время как Плеханов считал Герцена идеалистом, отрицавшим классовую борьбу, Ленин показывает, что «Письма об изучении природы» Герцена свидетельствуют о материалистическом мировоззрении их автора, что Герцен стоял головой выше тьмы тем идеалистов и полуидеалистов.

Оценивая социально-политические взгляды Герцена, Ленин вопреки Плеханову утверждает, что, несмотря на некоторые колебания Герцена в сторону либерализма, демократ в нем брал верх.

Особенно наглядны различия в оценках Лениным и Плехановым деятельности Чернышевского.

Книгу Плеханова о Чернышевском, изданную в

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223—224.

1910 году, Ленин прочел и законспектировал, сравнивая ее содержание с содержанием статей Плеханова о Чернышевском, опубликованных в «Социал-Демократе» в 1890—1892 годах. При этом Ленин отмечает изменение высказываний Плеханова, особенно по поводу политических взглядов Чернышевского, где Плеханов допустил наиболее серьезные ошибки.

Наибольшее количество замечаний Ленина относится к четвертой главе второй части монографии, озаглавленной Плехановым «Социализм и политика». Эту главу Плеханов основательно переделал в духе меньшевизма. Именно здесь он больше старается опровергнуть большевиков, чем изложить истинные политические взгляды Чернышевского.

Главным пороком этой части книги Ленин считает то, что «из-за *теорет[ического]* различия и идеалистического и материалистического взгляда на историю Плех[ано]в просмотрел практиче[ски]-полит[ическое] и классовое различие либерала и демократа»¹.

Наиболее сильно Ленин критиковал игнорирование Плехановым классового содержания деятельности Чернышевского. Плеханов видел в Чернышевском только просветителя, утописта, сторонника идеалистического понимания истории. Ленин же считал, что Чернышевский не был лишь социалистом-утопистом, а являлся революционным демократом, умевшим проводить идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей.

Через все труды В. И. Ленина по вопросам истории русской философии красной нитью проходит принцип партийности философии, выражающийся в требовании строжайшего разграничения партий в философии — материализма и идеализма, а также в установлении тесной и неразрывной связи борьбы партий в философии с борьбой классов в обществе.

Оценка Лениным политических взглядов Чернышевского и его соратников существенно расходится с той, какую дал им Плеханов. Последний, исходя из общих соображений о том, что утописты никогда не были революционными деятелями, никогда не проповедовали классовой борьбы, делал вывод, что Чернышевский, будучи

¹ «XXV Ленинский сборник», стр. 231.

социалистом-утопистом, отрицал классовую борьбу как прогрессивное явление, как стимул общественного развития. Между тем все труды Чернышевского проповедуют классовую борьбу крестьянства против его угнетателей — помещиков и царского правительства.

Для ленинской оценки деятельности русских революционеров-демократов характерно то, что Ленин всячески подчеркивает их непримиримую борьбу со всеми врагами народа, их стремление довести дело до революционного переворота.

В. И. Ленин особенно подчеркивает борьбу Добролюбова и Чернышевского против либералов по вопросу о характере, направлении и ближайших задачах общественных преобразований в России.

Для либералов характерна смертельная боязнь революции. Чичерин, Кавелин и вся их компания больше всего боялись развития революционных идей в России. Либералы стремились спасти существующее положение вещей, и потому они больше глядели в прошлое и страшно боялись будущего.

Революционеры-демократы, наоборот, стремились к радикальным общественным преобразованиям посредством открытой классовой борьбы.

Ленин неоднократно подчеркивает ту мысль, что проповедь Чернышевского опиралась на сознательность и самостоятельность не чиновничьих, не помещичьих и не буржуазных кругов, а на крестьянскую демократию, что демократическая тенденция росла с каждым десятилетием, питаемая всем ходом исторического развития страны, то есть совокупностью социальных, правовых и культурных условий.

В оценке философских взглядов революционных демократов Ленин также существенно расходится с Плехановым. Ленин не только подчеркивает, что русские революционеры-демократы были «цельными» материалистами, но и показывает их борьбу за материалистическую философию, против всех и всяких отступлений от материализма в сторону идеализма и агностицизма. При этом Ленин подмечает именно те их высказывания, которые рельефнее всего выражают их классовую определенность, партийную заостренность, понимание классовой роли идеализма и агностицизма как прислужничества реакции и мракобесия.

В отличие от Плеханова он на первый план выдвигает не идейное влияние западных мыслителей как определяющий фактор в формировании мировоззрения революционных демократов, а условия материальной жизни, борьбу общественных классов.

Марксизм вовсе не отрицает того, что на мировоззрение революционных мыслителей одной страны могут оказывать влияние мыслители других стран. Наоборот, марксизм признает такое влияние. Однако марксизм категорически выступает против того, чтобы все дело сводить к влияниям, к филиации идей. Известно замечание В. И. Ленина о том, что русские демократы с жадностью следили за умственной деятельностью Европы, ловили каждую новую мысль, каждое последнее слово науки. Вместе с тем Ленин подмечает в развитии передовой русской общественной мысли ее самостоятельную творческую работу, ее тесную связь с революционной практической деятельностью, с освободительным движением русского народа.

Ленинские оценки русских мыслителей дают ясные и точные указания для научного решения вопроса о классовых и гносеологических корнях русской революционно-демократической мысли, об отношении русских революционных мыслителей-материалистов XIX века к передовым идеям западноевропейских мыслителей.

Наша партия всегда требует от научных работников правдивого, объективного изучения истории. Объективно оценивая действительные заслуги революционных деятелей прошлого, подвергая критике ошибки в оценке тех или иных мыслителей, марксистская историческая наука дает единственно научное освещение мировоззрения русских революционных демократов, как и всех других течений общественной мысли всех стран и народов.
